

Б. Н. Путилов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СЛАВИСТИЧЕСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В сентябре 1963 г. в Софии состоялся V Международный съезд славистов. В августе текущего года участников очередного VI съезда примет Прага.

Что нового и важного принесли прошедшие пять лет славистической фольклористике? С какими результатами и проблемами приходит наша наука к Пражскому съезду? Чего она ждет от него?

Все эти вопросы приобретут свой смысл и истинное значение, если мы примем во внимание ту большую роль, какую сыграли прошедшие съезды славистов, особенно начиная с III Московского (1958 г.), в развитии славистической фольклористики, в преодолении долгой разобщенности и в установлении живых контактов между учеными многих стран, в появлении множества новых исследований, в выдвижении и широком обсуждении ряда актуальных и недостаточно проясненных проблем.

Съезды славистов отразили в своих программах наметившийся после стольких лет затишья, если не сказать застоя, подъем в сравнительно-историческом изучении фольклора славянских народов и сами много способствовали складыванию и распространению новых методологических принципов такого изучения. Напомню, что на Московском съезде 1958 г. состоялась большая дискуссия по докладу В. М. Жирмунского «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса», заключавшему широкое обоснование историко-типологической сравнительной методики¹, а Софийскому съезду был предложен уже ряд докладов, развивавших применительно к конкретным темам принципы сравнительно-типологического изучения фольклорных жанров².

Московский и Софийский съезды внесли также заметный вклад в разработку других теоретических и историко-фольклорных проблем, представляющих общий интерес для исследователей славянского народного творчества: историзм и жанровая специфика народного эпоса, закономерности развития отдельных жанров (баллады, сказки, легенды), проблемы поэтики, характерные особенности партизанского фольклора второй мировой войны³.

Не без воздействия славистических съездов проблемы славянского фольклора стали довольно широко включаться в программы различных

¹ См.: В. Жирмунский, Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки, М.—Л., 1962.

² См.: «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации», V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1963), М., 1963.

³ См.: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. I — «Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики», М., 1962; «Славянская филология. Материалы от V Международного конгресса на славистике», т. VI, Отчетные материалы, София, 1965.

международных и национальных конгрессов, конференций, симпозиумов — филологических, этнографических и иных. Становится традицией организация в отдельных странах регулярных (иногда ежегодных) фольклористических совещаний и конгрессов, целиком или в значительной части посвященных этим проблемам. Вот далеко не полный перечень таких больших научных собраний за последние годы, оставивших свой след в развитии славистической фольклористики: будапештский конгресс «Венгерская культура в Европе» (осень 1963 г.)⁴, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве (1964 г.)⁵, IV Международный конгресс по изучению народной прозы (Афины, 1964)⁶, Международный симпозиум, посвященный 100-летней годовщине со дня смерти Вука Караджича (Белград, 1964 г.)⁷, XI—XIV конгрессы Союза фольклористов Югославии (1964—1967 гг.)⁸, 1-й и 2-й Международные симпозиумы по рабочему фольклору (Югославия, 1964 и 1965 гг.)⁹, VI и VII украинские славистические конференции (1964—1966 гг.)¹⁰, Международная конференция по изучению устной прозы (Прага, 1966 г.)¹¹, Конференция по проблемам славянской фольклористики в Варшаве (1966 г.)¹², Конференция чехословацких этнографов и фольклористов памяти Ф. Бартоша (Готвальдов, 1966 г.)¹³, Научная сессия, посвященная итогам этнографических и археологических исследований, в Кишиневе (1967 г.)¹⁴ и в Москве (1968 г.), Первый конгресс балканских исследований (София, 1966 г.), Международный конгресс компаративистов в Белграде (1967 г.), Международная конференция по изучению народной культуры в Карпатах (Братислава, 1967).

Советские фольклористы приняли участие в большинстве названных конференций и имели возможность обсудить с зарубежными коллегами многочисленные общие и конкретные вопросы сравнительного изучения народного творчества и поделиться результатами своих исследований.

⁴ Материалы конгресса опубликованы в книге: «Europa et Hungaria. Congressus ethnographicus in Hungaria», Budapest, 1965.

⁵ См.: Ю. П. Аверкиева, В. К. Соколова, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1965; В. К. Соколова, Вопросы славистики на Международном конгрессе этнографов, «Сов. славяноведение», 1965, № 2; D. Nedeljković, Problemi folkloristike na VII Međunarodnom kongresu antropologa i etnologa u Moskvi augusta 1964, «Народно стваралаштво. Folklor», 1965, св. 13—14.

⁶ Материалы конгресса опубликованы в книге: «IV International Congress for Folk-Narrative Research in Athens. Lectures and Reports», Editor: G. A. Megas, Athens, 1965. См. также отчет в Загребском ежегоднике «Narodna umjetnost», god. 1964—1965, knj. 3.

⁷ Материалы симпозиума опубликованы в двух книгах: «Анали Филолошког факултета», кн. 4 и 5; Вуксв зборник I—II, Београд, 1964—1965.

⁸ См.: «Rad XI-og Kongresa, Saveza folklorista Jugoslavije u Novom Vinodolskom 1964», Zagreb, 1966; информация о XII—XIV конгрессах см.: «Сов. этнография», 1966, № 1, 1967, № 2, 1968, № 2; «Сов. славяноведение», 1967, № 2.

⁹ Материалы симпозиумов опубликованы в белградском журнале «Народно стваралаштво. Folklor», 1966, св. 12, 1964, св. 17—19.

¹⁰ См.: «Тези доповідей VI Української славистичної конференції 13—18 жовтня 1964 г.», Чернівці, 1964. См. также отчеты: «Сов. славяноведение», 1965, № 2; «Вестник Московского университета. Филология, журналистика», 1965, № 2; «Народна творчість та етнографія», 1967, № 2.

¹¹ Материалы конференции опубликованы в журнале «Fabula», Bd. 9, 1967, Hf. 1—3. См. также информации: «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», 1966, св. 3—4; «Сов. этнография», 1967, № 4.

¹² См.: «Вестник Академии наук СССР», 1966, № 11; «Сов. славяноведение», 1966, № 6; «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1.

¹³ См.: «Народна творчість та етнографія», 1967, № 3; «Český Lid», 1967, № 1.

¹⁴ См.: «Сов. этнография», 1967, № 5; «Народна творчість та етнографія», 1967, № 5.

* * *

Обозревая результаты исследовательской работы по славянскому фольклору за годы между двумя съездами, мы, естественно, ищем в первую очередь характерные приметы, которые указывали бы на ведущие тенденции в движении науки, свидетельствовали бы о главных направлениях научного поиска.

Одна из таких тенденций, на наш взгляд, состоит в том, что славистическая фольклористика заметно набирает силы. Еще совсем недавно изучение славянского фольклора было почти целиком ограничено рамками чисто национальной проблематики и довольно редко имело выход в общеславянские или межславянские темы. Недостаточность такого подхода в наши дни очевидна. Пришло время для большего самоопределения славистической фольклористики и более четкого формулирования ее основных задач. Есть ряд значительных проблем, которые представляют общеславянский и межславянский интерес и которые не могут успешно разрабатываться на материале фольклора лишь одного народа: славянская общность в области отдельных фольклорных жанров и закономерностей истории народного творчества в целом; генезис фольклорных жанров и их ранние формы; современные процессы в народном творчестве; поэтика фольклора; исторические связи, творческий обмен и сотворчество в фольклоре славянских народов; отношения и связи в фольклоре славянских и неславянских народов.

Множество конкретных тем, разрабатываемых ныне фольклористами на одном лишь национальном материале, включает нередко интереснейшие и существенные аспекты для рассмотрения их в общеславянском или межславянском плане. Именно поиски таких аспектов и их рассмотрение и составляют специфическую задачу славистической фольклористики как относительно самостоятельного направления в изучении фольклора славянских народов.

В этом смысле научная литература 1964—1967 гг. дает немалый материал для размышлений¹⁵.

Больше всего работ появилось на темы, традиционные для славистической фольклористики: героический эпос, баллады, сказки.

Продолжаются опыты по частичному восстановлению древнейшей славянской эпике и эпического творчества отдельных славянских народов, утраченного в условиях их позднейшей истории. Итальянский славист Б. Мериджи пытается сделать это, опираясь в одном случае на анализ мифологических элементов в юнацких песнях и былинах¹⁶, и в другом случае — на прослеживаемые им в былинных сюжетах воспоминания об отдельных моментах древних обрядов племенного посвящения¹⁷. Б. Мериджи в своих выводах осторожен, а его стремление к отысканию в известной нам славянской эпике типологически сходных элементов и к их сравнительно-этнографическому анализу заслуживает поддержки. Все же следует сказать, что в генетических исследованиях такого рода теперь невозможно уже не считаться с открытыми в последнее время закономерностями архаической эпике (труды В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, Е. М. Метелинского). Типологическое сравнение

¹⁵ В нашем обзоре сознательно не учитываются работы, вышедшие в год Софийского съезда, и лишь отчасти учтены работы, появившиеся в начале 1968 г.

¹⁶ Б. Мериджи, Митолошки елементи у српскохрватским народним песмама, «Анали Филолошког факултета», 4.

¹⁷ Б. Мериджи, Наблюдения над «Сборником Кирши Данилова», в сб. «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР П. Н. Беркова», М.—Л., 1966.

данных славянского эпоса с этими закономерностями может очень много объяснить в его генезисе и ранней истории.

В генетическом плане выполнены также работы пражского ученого В. Карбусицкого по реконструкции старочешской народной эпикой, давно исчезнувшей из живой традиции, и начальных этапов чешской народной музыки. В этих исследованиях В. Карбусицкий использует сравнительные данные живого славянского эпоса¹⁸.

В том же ряду может быть отмечена статья о былинных следах в белорусском фольклоре¹⁹.

Для изучения сложнейших вопросов истории славянского фольклора древнего периода важное значение имеют начатые Б. А. Рыбаковым исследования славянского язычества²⁰ и предпринятый Вяч. Ивановым и В. Топоровым опыт реконструкции древних восточнославянских представлений о мире²¹.

В целом же надо сказать, что генетические проблемы славянского фольклора разрабатываются у нас не с той широтой и степенью интенсивности, как они того заслуживают. Видимо, все еще сказывается непреодоленное влияние позитивизма в фольклористике, надолго посеявшего боязнь смелых гипотез, реконструкций, обобщений, основанных на подлинно историческом анализе известных фактов. Мы все еще недостаточно используем возможности, заключенные для такого анализа в огромной массе поздних текстов, и особенно возможности, какие открывает перед историками фольклора сравнительно-типологическая методика.

Другая тема, в разработке которой получены ощутимые результаты, касается творчества народных певцов.

Как известно, изучение искусства югославских гусяров, предпринятое американскими фольклористами (М. Парри, А. Лорд и др.), и изучение творчества русских и среднеазиатских сказителей, осуществленное советскими учеными (А. М. Астахова, В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов и др.), заново выдвинуло ряд принципиальных вопросов о самой природе творчества эпических народных певцов вообще — о его «технике» и присущих ему закономерностях. Всемирно известный ученый-романист Р. Менендес Пидаль критически рассматривает результаты этих исследований применительно к исполнителям героической эпикой Западной Европы, обнаруживая при этом типологически общие черты и исторически обусловленные различия в творчестве эпических певцов разных народов²².

Другие статьи содержат анализ искусства былинных сказителей²³ и современных югославских гусяров²⁴.

¹⁸ V. Karbusický, *Středověká epika a počátky české hudby*, «Hudební Věda», Praha, 1964, № III; его же, *Nejstarší pověsti české*, Praha, 1966.

¹⁹ С. Плужникова, *Былевое наследие белорусского сказочного эпоса*, «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1965, вып. 6.

²⁰ Б. А. Рыбаков, *Основные проблемы славянского язычества*, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964; его же, *Задачи изучения славянского язычества*, в сб. «Методологические вопросы общественных наук», М., 1966.

²¹ Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, *Славянские языковые моделирующие семиотические системы*, М., 1965.

²² Р. Менендес Пидаль, *Югославские эпические певцы и устный эпос в Западной Европе* (с предисловием В. М. Жирмунского), «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1966, вып. 2.

²³ Б. Н. Путилов, *Искусство былинного певца* (из текстологических наблюдений над былинами), в сб. «Принципы текстологического изучения фольклора», М.—Л., 1966.

²⁴ М. Bošković-Stulli, *Postojanost epskog modela u dvije pjesme iz Dubrovačkoga kraja*, «Narodna umjetnost», knj. 4, Zagreb, 1966.

В более широком плане и преимущественно на славянском материале проблему народного певца как своеобразной творческой личности рассматривает известный советский славист П. Г. Богатырев²⁵.

По-видимому, уже в ближайшее время можно будет приступить к давно сжидаемым сравнительным исследованиям о народных певцах, сказителях, сказочниках на богатейшем материале, собранном несколькими поколениями фольклористов-славистов.

Ряд новейших этюдов посвящен сравнительному анализу отдельных циклов и сюжетов русского и южнославянского эпоса, а также изучению судеб славянской эпической традиции в различных регионах²⁶.

И в этой области предстоит еще сделать очень многое. Необходимо заново и критически пересмотреть весь фонд сюжетных и иных параллелей, установленных прежними исследователями, привлечь новые материалы и выявить соответствия, оставшиеся неучтенными. Главное же, на наш взгляд, необходимо подойти к проблемам славянской эпической общности с теми новыми научными задачами и новой методикой, какие открылись перед нами в последнее время в результате сравнительно-типологического изучения народного эпоса. Важно выяснить как можно глубже и конкретнее типологические соотношения и связи в славянской эпике и на этой основе представить самое эпическое творчество у славянских народов как исторически закономерный процесс и восстановить важнейшие его этапы.

Наряду с героическим эпосом одной из самых популярных тем современных сравнительных исследований продолжают оставаться славянские баллады. Здесь характерно стремление поставить на сравнительную базу обсуждение таких актуальных и достаточно сложных вопросов, как жанровая специфика баллад и их происхождение, отношение балладного жанра к действительности, поэтика, основные пути исторического развития баллад²⁷.

²⁵ П. Г. Богатырев. Традиция и импровизация в народном творчестве, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964; его же, Художественные методы фольклора и творческая индивидуальность носителей и творцов народной поэзии, в сб. «Художественный метод и творческая индивидуальность писателя», М., 1964.

²⁶ Цв. Романска, Неке оште особине песама о Краљевићу Марку које су записане у новије време на Далматинским отоцима и у Бугарској, сб. «Rad XI-og Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije u Novom Vinodolskom, 1964», Zagreb, 1966; Б. Н. Путилов, Юнацкая песня «Марко находит сестру» в версиях с Хорватского приморья и островов и былина о Козарине, сб. «Rad XI-og Kongresa...»: его же, История одной сюжетной загадки (былина о Михаиле Козарине), сб. «Вопросы фольклора», Томск, 1965; его же, Юнацкие песни Косовского цикла и русский эпос, «Русская литература», 1966, № 2; Н. Н. Алексеев, К истории сюжета былины об исцелении Ильи, Уч. зап. Горьковского пединститута, вып. 63, серия литературная, 1966; П. В. Линтур, Закарпатские народные сказания о Королевиче Марко, «Сов. этнография», 1965, № 1; Ю. И. Смирнов, Следы эпической поэзии на Буковине, «Сов. славяноведение», 1966, № 3; В. Б. Вилинбахов, Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре, «Slavia Occidentalis», t. 25, 1965; К. Penušliski, Macedonian Local Traditions of Prince Marko, «Journal of the Folklore Institute», vol. III, № 3, 1966.

²⁷ См., например: Н. И. Кравцов, Славянская народная баллада, «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXVIII, М., 1964; П. В. Линтур, До проблеми походження слов'янської баладної пісні, «Тези доповідей VI Української славистичної конференції 13—18 жовтня 1964 р.», Чернівці, 1964; его же, Народні балади Закарпаття, Запис та впорядкування текстів, вступна стаття і примітки П. В. Лінтура, Львів, 1966; Ю. И. Смирнов, Сербская баллада на русском севере, «Сов. славяноведение», 1965, № 6; Б. Н. Путилов, Исторические корни и генезис славянских баллад об ищесте, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964; его же, Исторические баллады в сборниках Вука Стеф. Караджича, «Анали Филолошког факултета», 4; его же, Славянская историческая баллада М.—Л., 1965; его же, Действительность и вымысел в славянской исторической балладе, в сб. «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965; его же, Словенская баллада «Ribnička Jerica» в свете сравнительных дан-

Специального упоминания заслуживает монография старейшего болгарского слависта М. Арнаудова, целиком посвященная одному балладному сюжету²⁸. На основе анализа всех известных вариантов, записанных у южных славян, автор попытался выяснить историко-социальные основы и традиционно-фольклорные истоки сюжета, проследить его историческое развитие, установил локальные версии.

По типу к этой монографии примыкает книга известного словенского ученого И. Графенауера; здесь, кроме фольклорно-этнографического исследования одного сюжета, содержится также фольклорно-музыкально-ведческий анализ одной песни, сделанный З. Кумер²⁹. Такого рода монографические исследования могут дать чрезвычайно ценные результаты для уяснения жанровой сущности, генезиса и истории баллад.

В большинстве названных выше работ довольно отчетливо видны два различных подхода к проблемам истории славянских баллад и их сюжетной общности. Один связан с миграционистской теорией и методикой, другой — с теорией и методикой типологической. Начавшаяся сравнительно недавно дискуссия между этими двумя направлениями в изучении славянских баллад, видимо, в ближайшие годы будет продолжаться и углубляться, и это принесет свою пользу науке. Важно только, чтобы при этом взаимно учитывались реальные результаты осуществляемых исследований. Не разделяя общих положений миграционистской теории, я не могу не отметить здесь интересных наблюдений чешского ученого Сироватки, сравнивавшего стиль русских и чешских баллад и пришедшего к выводу, что они существенно отличаются по своим повествовательным принципам и что чешские (а вместе с ними и другие западнославянские) баллады принадлежат к центральноевропейскому балладному кругу и должны быть сопоставлены с балладами ряда неславянских народов.

Это еще, на мой взгляд, не означает генетической близости. Необходимо учесть, что некоторые важные, общие или отличительные особенности сюжетики и стиля народных баллад объясняются различной судьбой героической эпики у разных народов.

В отличие от баллад, исторические песни славянских народов как предмет сравнительного изучения незаслуженно остаются на периферии научных интересов³⁰. Может быть, здесь сказывается трудно преодолимая традиция рассматривать исторические песни преимущественно с точки зрения того, как отражаются в них конкретные исторические события. Между тем песни эти важны в первую очередь как закономерный этап в развитии историко-песенного фольклора, в переработке и преодо-

ных, «Народно стваралаштво. Folklor», 1965, св. 15—16; И. Земцовский, Песни-баллады, «Сов. музыка», 1966, № 4; К. Horalék, Lidova epika v písních, «Český Lid», 1966, № 3; его же, Mezislovanské vztahy v baladice, в сб. его stateí «Studie ze srovnávací folkloristiky», Praha, 1966; Z. Horálková, Epické písně na Slovákku, «Český Lid», 1966, № 4; O. Sirovátko, Hranice českých a poiských verzí balady o sirotkovi, «Český Lid», 1964, № 5—6; его же, Vyprávění a dramatická řeč v lidové baladě (k poetice česke a slovenské epické písně), сб. «Slovakko», 1964, № 6; его же, Lidové balady na Slovákku, 1965; его же, Vyprávěčský styl v české a ruské baladě, «Narodopisny Věstník Československý», Brno, 1966; I. Grafenauer, Problematika pripovedke-balade z motivom stave na ženino čistost. «Narodna umjetnost», knj. 4, Zagreb, 1966; К. Пенушлиски, Женидба са мртвцем у македонском фолклору, «Народно стваралаштво. Folklor», св. 13—14, 1965.

²⁸ М. Арнаудов, Баладни мотиви в народната поезия, I, Песента за делба на двама брата, София, 1964.

²⁹ I. Grafenauer, Spokorjeni grešnik. Študija o izvoru, razvoju in razkroju slovensko-hrvaško-vzhodnoalpske ljudske pesmi, Ljubljana, 1965.

³⁰ Из известных мне работ назову здесь: О. Зілінський, Историчні та жанрові риси піснi про Стефана воеводу, «Наукови збірник Музею української культури в Свиднику», I, 1964.

лени эпических традиций, и сравнительный анализ помог бы выявить здесь существенные закономерности.

Ряд исследований был посвящен обнаружению и анализу общих музыкальных и поэтических особенностей лирических песен, преимущественно в районах, где непосредственные связи различных славянских народов носили длительный и систематический характер³¹.

Дальнейшему развитию и углублению подверглось начатое совсем недавно изучение в сравнительно-историческом плане героического славянского фольклора периода второй мировой войны³².

Из обширной и непрерывно пополняющейся литературы по сказкам и несказочной прозе я назову здесь лишь некоторые работы, прямо относящиеся к сравнительно-славистическим исследованиям и характеризующие, на мой взгляд, основные направления современного сказковедения и рассказоведения. Монография К. Горалека о славянских сказках³³ содержит критический обзор сравнительного изучения народных сказок, раздел об общем характере и областных различиях в славянских сказках, главу о сказках болгарских и македонских, главу о народной драматизации сказок и библиографию литературы. В другой книге того же ученого (см. выше) ряд статей посвящен сказкам, в том числе — статья о Ю. Поливке и В. Тилле в связи с проблемами сравнительного изучения славянского фольклора, заметки к типологии чешских сказок, статья о поэтике мотивов и сюжетов и др.

В новейшей монографии М. Бошкович-Стулли, посвященной знаменитому международному сюжету «Ослиные уши Мидаса» (тип 782), тщательно учтен и систематизирован соответствующий славянский материал³⁴.

Н. В. Новиков последние годы работал над сравнительным анализом образов — персонажей восточнославянской волшебной сказки. На эту тему им подготовлена монография. Некоторые предварительные результаты его работы приведены в докладе, тезисы которого опубликованы в названном выше черновицком сборнике 1964 г.

У нас и за рубежом вышли также статьи об отдельных сказочных сюжетах и циклах³⁵.

Созданы значительные работы в сравнительно-историческом плане — о преданиях³⁶ и легендах³⁷.

³¹ В. М. Скрипка, Взаємовідношення жанрів народної пісні (на матеріалі українського, чеського і словацького фольклору), сб. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», вип. 1, Київ, 1965; его же, Украинские, чешские и словацкие народные лирические песни в их взаимосвязях, Автореферат канд. дис., Киев, 1965; С. Я. Грица, Спільність мелодичних типів у слов'янської пісенності Карпат «Народна творчість та етнографія», 1966, № 3; А. А. Малаш, Украинские и польские песни на Белоруссии, «Тези доповідей VI Української славистичної конференції», 1964; О. Нгабалова, Ke studiu žatevních písní východnomoravských a slovenských, «Slovenský Národopis», 1965, № 1; К.-Н. Pollok, Studien zur Poetik und Komposition des balkanslawischen lyrischen Volksliedes, Göttingen, 1966; В. Беляев, Стих и ритм народных песен, «Сов. музыка», 1966, № 7.

³² См. В. Е. Гусев, Типизация действительности в партизанском фольклоре, М., 1964 (Доклад на VII МКАЭН); его же, Освободительная борьба славянских народов в партизанских песнях, сб. «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965.

³³ К. Horálek, Slovanské pohádky. Příspěvky k srovnávacímu studiu, Praha, 1964.

³⁴ М. Вошкович-Стулли, Narodna predaja o vladarevoj tajni, Zagreb, 1967.

³⁵ М. А. Вавилова, История развития сюжета сказки о попе и козлиной шкуре, «Вопросы жанра и стиля», под ред. В. В. Гура, «Уч. зап. Вологодского пединститута», т. 31, 1967; Я. Полакова, Материалы о развитии дуалистических народных сказок у славян, «Clavia», 1965, № 3.

³⁶ В. К. Соколова, Антифеодальные предания и песни у славянских народов. сб. «Славянский фольклор и историческая действительность», 1965.

³⁷ К. В. Чистов, Легенды об избавителях и проблема повторяемости фольклорных сюжетов, «Славянский фольклор и историческая действительность», 1965.

Среди работ историографического плана следовало бы назвать в первую очередь две фундаментальных монографии. Одна посвящена Вуку Караджичу, крупнейшему деятелю и одному из основоположников славянской фольклористики³⁸, вторая — русскому фольклору в Германии (до середины XIX в.)³⁹. Проблемам межславянских фольклористических связей посвящены также работы Цв. Органджиевой⁴⁰, В. Вулети-ча⁴¹, Н. Мартиновича⁴², Р. Бртаня⁴³, М. Гольберга⁴⁴, В. Гусева⁴⁵, М. Гуца⁴⁶, М. Яценко⁴⁷, М. Гайдая⁴⁸.

Заметное развитие в последнее время получают исследования о связях и отношениях в фольклоре славянских и неславянских народов, особенно Балкан и Юго-Восточной Европы, а также народов Поволжья и уральской языковой группы и др.⁴⁹

* * *

Для славистической фольклористики много значат, конечно, исследования по национальному фольклору, не содержащие прямого сравнительного материала, либо содержащие его в небольшом объеме, но зато отличающиеся тщательностью проработки материала, широтой его охвата и значительностью проблематики. Они неизбежно вызывают интерес у специалистов, изучающих сходные явления в творчестве других славянских народов, законное желание сопоставить наблюдения и выводы, поискать аналогичные закономерности.

³⁸ М. Поповић, Вук Стеф. Караџић. 1787—1864, Београд, 1964.

³⁹ E. Hexelschneider, Die Russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19 Jahrhunderts, Berlin, 1967.

⁴⁰ Цв. Органджиева, Петар Иванович Прејс и Вук Стефановић Караџић, «Вуков зборник», Српска Академија наука и уметности, Посебна издања, књ. CD, Београд, 1966.

⁴¹ В. Вулетић, Срезневски и Вук, «Анали Филолошког факултета», 4.

⁴² Нико С. Мартиновић, Павле Аполонович Ровински, «Рад X-ог Конгреса фолклориста Југославије», Цетинье, 1964.

⁴³ R. Brtánj, Sreznevského zbirka slovenských ľudových piesní, «Český Lid», 1967, № 5.

⁴⁴ М. Гольберг, Труды Караджича в оценке деятелей русской культуры первой половины XIX века. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», Београд, 1964, св. 3—4.

⁴⁵ В. Гусев, Вук Караджич и русская фольклористика, «Русская литература», 1964, № 2; его же, Фольклористическая деятельность Вука Караджича в оценке русской науки, «Анали Филолошког факултета», 4.

⁴⁶ М. В. Гуць, Сербо-хорватська народна пісня на Україні, Київ, 1966.

⁴⁷ М. Т. Яценко, Володимир Гнатюк. Життя і фольклористична діяльність, Київ, 1964.

⁴⁸ М. М. Гайдай, Український фольклор в працях і перекладах чеських і словацьких культурних діячів, «Слов'янське літературознавство і фольклористика», вип. 1, Київ, 1965.

⁴⁹ См., например: сб. «Восточнославянско-восточнороманские языковые, литературные и фольклорные связи», тезисы докладов, Черновицы, 1966; В. М. Гацак, Восточнороманский героический эпос. Исследование и тексты, М., 1967; К. Хоралек, Из бугарске фолклористике, «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», 1964, св. 3—4; L. Vargyas, Researches into the Mediaeval History of Folk Ballad, Budapest, 1967; A. Fochi, Das Ditschin- (Doicin-, Dojčín-, Дойчин-) Lied in der südosteuropäischen Volksüberlieferung, «Revue des études sud-est européennes», 1965, № 1—4; А. И. Маскаев, Славяно-мордовские связи по материалам эпической песни, «Этногенез мордовского народа (Материалы научной сессии 8—10 декабря 1964 г.)», Саранск, 1965; Б. Н. Путилов, К вопросу об отношениях эпического творчества славян и народов Юго-Восточной Европы, «Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации», М., 1966; его же, The Hungarian Ilona-Albert Legend and the Slavic Historical Ballads, «Acta Ethnographica», Budapest, 1965, f. 3—4.

Среди новейших работ по русскому фольклору должны быть названы прежде всего некоторые монографии и коллективные труды. Книга Э. В. Померанцевой «Судьбы русской сказки» (1965) содержит такие обобщения по позднейшей истории русской сказки, которые, безусловно, будут учтены историками сказок других славянских народов. Внимание славистов привлечет книга С. Лазутина «Русские народные песни» (1965) — один из первых опытов исторического исследования лирических песен в период с XVIII до начала XX в.

Представляют большой интерес изыскания К. В. Чистова, обобщенные им в монографии «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX веков» (1967). Монография А. М. Астаховой «Былины. Итоги и проблемы изучения» (1966) дает обширное и превосходно систематизированное обобщение результатов полуторавекового изучения русского эпоса.

Проблемам современного фольклора посвящено несколько специальных сборников, в том числе IX том «Русского фольклора» (1964) и «Современный русский фольклор» (1966), а также большая коллективная монография «Русский фольклор Великой Отечественной войны» (1964). Историографические проблемы, в ряде случаев имеющие интерес для славистической фольклористики, рассматриваются в III выпуске «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (1965).

С особенным удовлетворением хотелось бы отметить работы по народной музыке и народной хореографии, восполняющие существенные пробелы в изучении этих областей русской народной художественной культуры и содержащие подчас важные моменты новой научной методики⁵⁰.

Наконец, фольклористы-слависты имеют возможность ныне легко ориентироваться в обширной литературе по русскому народному творчеству благодаря новейшей фундаментальной библиографии, охватывающей почти 50 лет⁵¹.

В области изучения фольклора других славянских народов я ограничиваюсь здесь указанием на ряд обобщающих работ, обзоров, учебных пособий, охватывающих фольклор одного народа в целом, либо в значительных его разделах. Так, вышли книги по украинскому⁵² и белорусскому⁵³ фольклору, фольклору болгарскому⁵⁴, македонскому⁵⁵, по фольклору словенцев, сербов, хорватов⁵⁶, лужицко-сербскому⁵⁷. Чрезвычайно интересный опыт краткой фольклорной энциклопедии предпринят в Польше. Хотя книга называется «Словарь польского фольклора», читатель найдет в ней немало сведений и по фольклору других народов⁵⁸.

⁵⁰ И. Земцовский, Русская протяжная песня. Опыт исследования, Л., 1967; К. Голейзовский, Образы русской народной хореографии, М., 1964.

⁵¹ «Русский фольклор. Библиографический указатель. 1917—1944», составила М. Я. Мельц, под редакцией А. М. Астаховой и С. П. Луппова, Л., 1966; то же за 1960—1965 гг., Л., 1967. (Указатель за 1945—1959 гг. вышел в 1961 г.).

⁵² «Українська народна-поетична творчість», Київ, 1965.

⁵³ «Беларуская народная вусна-паэтычная творчасць», Минск, 1967.

⁵⁴ Цв. Романска, Българско народно-поетично творчество. Хрестоматия, София, 1964; ее же, Българската народна песен, София, 1965.

⁵⁵ Т. Саздов, Македонската народна поезија. Краток преглед, Скопје, 1966.

⁵⁶ В. Латковић, Народна књижевност, Београд, 1967.

⁵⁷ P. Nedo, Grundriss der sorbischen Volksdichtung, Bautzen, 1966.

⁵⁸ «Słownik folkloru polskiego», pod redakcją Juliana Krzyżanowskiego, Warszawa, 1965.

В ряду обзорных и обобщающих трудов можно назвать также два тома из серии «Народы мира», которые в соответствующих разделах содержат краткие характеристики фольклора отдельных славянских народов⁵⁹.

За истекшие годы значительно пополнилась библиотека памятников славянского фольклора, в том числе появились издания, которые будут иметь общеславянское культурное и научное значение. В Польше близится к завершению переиздание 66 томов монументального издания материалов О. Кольберга и издание обширного собрания М. Федоровского. В Югославии предпринято новое научное издание сочинений Вука Караджича, среди вышедших томов — ранние сборники песен и сборник пословиц. Вышло пять книг, охватывающих основные фольклорные жанры, в серии «Пять столетий хорватской словесности».

В Болгарии завершено тринадцатитомное издание основных жанров болгарского народного творчества. По русскому фольклору вышел ряд академических и научно-популярных сборников сводного типа по отдельным жанрам («Исторические песни XVII века», 1966; «Загадки», 1968; «Частушки», 1966; «Русские народные протяжные песни», 1966), появились издания экспедиционных материалов («Песенный фольклор Мезени», 1967; «Народные песни Кировской области», 1966). Аналогичные издания вышли также по украинскому и белорусскому фольклору («Колядки та щедрівки. Зимова обрядова поезія трудового року», 1965; «Народні пісні в записах Івана Франка», 1966; «Народні балади Закарпаття», 1966 и др.).

Любопытный опыт издания, главным образом в учебных целях, произведен в Оксфорде (Англия): здесь образцы русского фольклора напечатаны в оригинале, но с обширными примечаниями и толкованиями на английском языке⁶⁰.

* * *

Примечательной особенностью славистической фольклористики наших дней является все возрастающее внимание к вопросам научной методологии и методики сравнительных фольклорных исследований. Редкая работа теперь обходится без того, чтобы ее автор не коснулся тех или иных методологических аспектов. Ряд новейших работ включает в себе обобщения по вопросам методики компаративизма и дальнейшие поиски в этой области. Дискуссионность и полемическая направленность свойственны большинству современных исследований. Толчок методологическим спорам был дан Московским съездом славистов в 1958 г. Тогда же наметились и главные пункты полемики: вся она в основном сосредоточилась вокруг вопросов о возможностях и границах применения типологической теории и о соотношении ее с теорией заимствования.

В работах советских ученых отчетливо видна тенденция к углубленной разработке различных методических аспектов историко-типологического изучения фольклора в целом и отдельных его жанров, к выявлению на почве такого изучения характерных, нередко новых для науки закономерностей народного творчества. Наибольшим вниманием в работах последних лет пользовались методические проблемы изучения

⁵⁹ «Народы европейской части СССР», I, М., 1964; «Народы зарубежной Европы», I, М., 1964.

⁶⁰ «Russian Folk Literature», edited by D. P. Costello and I. P. Foote, Oxford, 1967.

героического эпоса, баллад, несказочной прозы⁶¹. Заметно возрастает интерес к общим вопросам теории и методики сравнительных исследований в славистической фольклористике социалистических стран⁶².

Исследования теоретического и конкретно-исторического плана, осуществленные в последнее время, значительно подорвали веру в надежность традиционной методики миграционизма. Ныне убедительно доказано, что фольклорное сходство на любых уровнях может быть обусловлено общими закономерностями народного творчества, что сюжетные и иные аналогии вовсе не обязательно вызваны прямыми культурными контактами народов. Тем самым утратил силу один из главных постулатов миграционной теории. Теперь сторонникам этой теории необходимо будет всякий раз заново доказывать случаи заимствования, а значит и решительным образом совершенствовать методику таких доказательств.

Советская фольклористика не отрицает значения прямых культурных контактов в истории народного творчества. Изучение роли таких контактов в фольклоре славянских народов может многое объяснить, но лишь при условии, когда межнациональные связи, факты творческой передачи и заимствования будут доказываться, а не просто декларироваться и когда они будут рассматриваться в контексте реальной истории национального фольклора⁶³. К сожалению, в современных сравнительных исследованиях миграционистского направления сильно дают себя знать инерция и аморфность методики; не потому ли в них так мало нового и по-настоящему доказанного?

За типологической теорией — большое будущее в разработке важнейших исторических и общетеоретических проблем славистической фольклористики. Именно поэтому так важно сейчас, не повторяясь и не останавливаясь на достигнутом, стремиться к поискам новых путей ее применения, к формулированию более широких ее задач, к совершенствованию ее методики.

⁶¹ См., например: В. М. Жирмунский, «Пир Атрея» и родственные этнографические сюжеты в фольклоре и литературе, «Сов. этнография», 1965, № 6; Е. М. Мелетинский, Народный эпос, в кн.: «Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы», М., 1964; А. Н. Робинсон, Эпос Киевской Руси в соотношении с эпосом Востока и Запада, «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1967, вып. 3; К. Сихарулидзе, Сравнительное изучение эпических рассказов и лирических песен, «Мацне», — Орган Отделения общественных наук АН ГрузССР, т. 4, Тбилиси, 1965; Ю. И. Смирнов, Проблемы изучения межславянской фольклорной общности, «Советское славяноведение», 1967, № 1; его же, Славянская эпическая общность (изменчивость уровней эпики), «Советское славяноведение», 1967, № 6; И. И. Голстой, Статьи о фольклоре, М.—Л., 1966. См. также названные выше работы В. К. Соколовой о преданиях, К. В. Чистова о легендах, Б. Н. Путилова об исторических балладах.

⁶² См., например: Е. Горгиев, Общо и сравнително славянско литературознание, София, 1965; K. Nařálek, Studie ze srovnávací folkloristiky, Praha, 1966; его же, Несколько напомена о упорядном методу у прочувању народне књижевности, «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», Београд, 1964, см. 3—4; Д. Недељковић, Фолклористика и народна књижевност у перспективи Вукове културне револуције и дали развитак класичне «Косовке девојке», «Вуков зборник», Београд, 1966; Л. Вардьяш, О некоторых основных вопросах изучения эпических жанров, Тезисы доклада на VII МКАЭН, М., 1964; V. Voigt, [Структурно-типологические методы исследования о народном эпосе], «Ethnographia», Budapest, 1964, № 1 (рез. на русск. яз.); O. Širovátká, Některé otázky srovnávacího studia lidové slovesnosti, «Straženice 1946—1965», Brno, 1966.

⁶³ Важные соображения об изучении международных фольклорных сюжетов см. в статье: В. М. Жирмунский, К вопросу о международных сказочных сюжетах, «Историко-филологические исследования», сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада, М., 1967.

В той полемике, которая ведется сейчас вокруг типологической теории в связи с проблемами славистической фольклористики, многое требует внимательного анализа, иногда — разъяснений и возражений. Для понимания этой полемики во многих отношениях характерна статья известного пражского слависта К. Горалека, подводящая некоторые итоги V съезда славистов⁶⁴.

К. Горалек хорошо ориентируется в современной советской фольклористике. Он воздает должное последним ее успехам в области сравнительных исследований, в частности с похвалой отзывается о докладах, представленных Софийскому съезду. Он высоко оценивает доклад В. М. Жирмунского 1958 г. и видит его важное значение в обосновании принципов историко-типологического сравнения, в широком взлядов, в том, что идеи, высказанные В. М. Жирмунским, способствовали новому подъему сравнительных исследований. При всем том К. Горалек весьма критически говорит о развитии в наши дни сравнительно-типологических исследований фольклора. Сравнительная типология, с неодобрением замечает он, стала в славистике модой времени («Schlagwort der Zeit»), и «инфляционные явления не заставили себя ожидать»⁶⁵.

В действительности, однако, сравнительно-типологическая методика привлекается к анализу фактов славянского фольклора еще совершенно недостаточно. Мы еще очень далеки от опасности, на которую указывает К. Горалек. В связи с этим нельзя не возразить против одного его высказывания, имеющего принципиальный характер. К. Горалек считает одной из главных задач сравнительной фольклористики обнаружение и изучение «контактных явлений»⁶⁶. При этом он готов удовлетвориться гипотетическими выводами о заимствовании, поскольку точные выводы здесь получить трудно.

В определении задач сравнительной фольклористики сказывается прочная приверженность К. Горалека к миграционизму, хотя и не в его крайних формах. Между тем типологическая теория предполагает совсем иное понимание задач историко-сравнительного изучения фольклора. Оно не может быть сведено к объяснению фактов общности, к изучению аналогий, заимствований и т. п. Сравнительно-типологическая методика призвана служить широким задачам исторического изучения фольклора, его жанров, поэтики, проблематики. Она может содействовать раскрытию закономерностей, определяющих сходство, повторяемость или единство историко-фольклорного процесса и его элементов, успешному решению жанрово-генетических проблем, проникновению в тайны механики народного творчества с его художественной спецификой. Но для этого нужно освободиться от многих устаревших представлений, свойственных традиционному компаративизму, и органически соединить сравнительные исследования с современной проблематикой славистической фольклористики в целом.

Для современной славистической фольклористики не могут пройти незамеченными опыты по семиотическому анализу славянского фольклора и связанные с ними различные предложения по систематизации и каталогизации фольклорных материалов для обработки полученной информации средствами современной машинной техники.

Семиотика в области славянского фольклора делает, в сущности, свои первые шаги. Возможности, заключенные в ней, предстоит еще

⁶⁴ K. Horálek, Einige Bemerkungen zur vergleichenden Folkloristik auf dem v Internationalen Slavisten-Kongress, «Zeitschrift für slavische Philologie», B. XXXIII, H. 1, Heidelberg, 1966.

⁶⁵ Там же, стр. 68—69.

⁶⁶ Там же, стр. 75.

по-настоящему раскрыть. Уже появившиеся работы привлекают внимание тем, что авторы их, опираясь на принципы семиотики, стремятся обнаружить в изучаемых явлениях характерные закономерности народного творчества и поэтического языка, реконструировать модели некоторых фольклорных явлений и тем самым попытаться объяснить их генезис и поставить их в связь между собою⁶⁷.

* * *

Надо надеяться, что книги, сборники статей, научные доклады, специально подготовленные к VI съезду, дадут новый материал для обсуждения актуальных вопросов славистической фольклористики, а сам Пражский съезд, подобно Московскому и Софийскому, станет центром живых и плодотворных дискуссий, местом творческих встреч ученых многих стран и будет способствовать дальнейшему развитию исследований по истории славянского фольклора.

SUMMARY

The paper surveys the development of Slavic folklore studies since the 5-th International Slavic Congress in Sofia. Present-day Slavic folklore research is facing wide-scope problems: the common beginnings of Slavic folklore; the genesis of folklore genres and their early forms; modern trends in the people's creative work; folklore poetics; historical links and mutual exchange in Slavic and non-Slavic folklore. Their successful solution demands the implementation of comparative-historical methods. The development and perfection of a theory and methods of comparative-typological research is of major importance for Slavic folklore studies. The successful implementation of such theory and methods may bring to light the main laws governing the similarity, repetition and unity in folklore creative processes and their distinctive national and historical features; it may help to solve problems of genesis and of the specific character of folk art.

⁶⁷ См., например: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период), М., 1965; «Тезисы докладов во второй летней школе по вторичным моделирующим системам», Тарту, 1966; «Труды по знаковым системам, II. Уч. зап. Тартусского гос. ун-та», вып. 181, 1965; то же, III, 1967; В. Гошовский, Фольклор и кибернетика, «Советская музыка», 1966, № 11. В 1966—1967 гг. Объединенная фольклорная комиссия Союза композиторов РСФСР и Московского союза композиторов опубликовала на ротаторе доклады В. Гошовского по проблемам систематизации и каталогизации народных песен и провела конференцию на эту тему. См. также: V. Pletka, Současný stav a perspektivy strojového zpracování etnografických a folklórních materiálů v ČSSR, «Ceský Lid», 1964, № 4.